

*Е.Н. Ковтун (Москва, Россия)*

### **О годах ученичества у Раисы Романовны Кузнецовой**

---

*E.N. Kovtun (Moscow, Russia)*

#### **Years of Pupillage at Raisa R. Kuznetsova**

С Раисой Романовной я познакомилась в моей студенческой юности. Возможно, память подводит в деталях, но, по-моему, это было в 1985 году. Я училась на третьем курсе славянского отделения филологического факультета МГУ в чешской группе и в качестве научной специализации выбрала литературоведение. Первые шаги в науку я сделала под руководством Аллы Германовны Машковой, которая вела в те годы на младших курсах кафедральный литературоведческий семинар и у которой я написала первую в своей жизни курсовую работу о романе классика чешского реализма XIX столетия Сватоплука Чеха «Новое эпохальное путешествие пана Броучека на этот раз в XIV столетие». Помню, как, вернувшись домой на зимние каникулы, я ночами корпела над книгой, стараясь уловить – а главное, внятно запечатлеть на бумаге (курсовые работы тогда писались от руки, перепечатывались, как правило, лишь дипломные сочинения) – смысл ключевых эпизодов повествования чешского сатирика. Алла Германовна в целом осталась моей работой довольна, посоветовав лишь поменьше описывать сюжет и побольше анализировать текст.

В литературоведческом семинаре третьего курса А.Г. Машкова, уже зная о моем давнем увлечении литературной фантастикой, посоветовала мне остановиться на творчестве Карела Чапека. Его роман «Война с саламандрами» я сравнивала с романом «Война миров» Герберта Уэллса, пытаясь доказать, что именно через творчество данных писателей проходит одна из ведущих фантастических традиций XX в. – традиция социально-философской фантастики. Об этом же я решила сделать и первый в жизни доклад на студенческих научных чтениях. Волновалась сильно, тем более что Алла Германовна предупредила: на чтениях будут присутствовать и другие литературоведы из числа сотрудников кафедры, в том числе профессор Р.Р. Кузнецова.

Слово «профессор» для меня тогда означало нечто среднее между «небожителем» и «великим ученым». Больше всего мы боялись и уважали, правда, другого профессора – заведующую кафедрой Александру Григорьевну Широкову. Однако Раиса Романовна произвела на меня не меньшее впечатление. Поразила безупречная элегантность ее костюма и прически, царственная манера поведения, настоящая

«академичность» – и вместе с тем приветливость в обращении к нам, студентам. Именно так, по моему тогдашнему мнению, и должны были выглядеть и вести себя профессора, тем более в Московском университете.

Раиса Романовна мужественно выслушала мои суждения о фантастике Чапека и Уэллса, а затем попросила детализировать одно из положений доклада. Поскольку это был первый обращенный ко мне вопрос на научную тему, я помню его до сих пор. Речь шла о сходстве и различии гротеска в романах английского и чешского фантастов. Не столько осознав вопрос, сколько чувствуя, что выхода нет – отвечать нужно, я пробормотала нечто маловразумительное о большей социологичности Уэллса и философичности – Чапека. Раиса Романовна улыбнулась и снисходительно пояснила, что речь должна идти о более конкретной и острой критической направленности романа Чапека по отношению к изображенному в нем общественному порядку.

В дальнейшем схожую точку зрения она высказывала при сопоставлении гротеска К. Чапека и Ф. Кафки. Несмотря на мои робкие замечания об универсальном характере данного художественного приема, Раиса Романовна оставалась непреклонна: гротеск бывает двух типов – социально-критический в социалистической и близкой к ней литературе и «абстрактный», обобщенно-философский (а потому и менее действенный в эстетическом отношении) в литературе «буржуазной». Подобный подход представлялся мне излишне идеологизированным, однако с годами я все более училась ценить предельную научную искренность и бескомпромиссность Раисы Романовны. Она была безусловным советским человеком – таким, о которых нынешнее поколение может прочесть только в книгах. За строками ее научных работ вставала великая страна – и великая эпоха «битвы за социалистическую литературу». О такой же эпохе (применительно уже к Чехии, тогда – Чехословакии) Раиса Романовна вдохновенно рассказывала и в лекциях. В нашей группе она читала курс истории чешской литературы с IX по XX век, а также ряд спецкурсов – в основном о чешском романе прошлого столетия.

Как выяснилось позднее, мой доклад Раисе Романовне понравился, и на четвертом курсе она взяла меня в собственный литературоведческий семинар. Под ее руководством я написала курсовую работу четвертого курса о рассказах чешского фантаста Йозефа Несвадбы, а затем – дипломное сочинение о современной (для тех теперь уже далеких 1980-х годов) чешской писательнице Яне Моравцовой, работающей «на стыке» реалистического и условно-фантастического повествования.

Помню, как Раиса Романовна огорчилась вместе со мной, что одна из глав моей дипломной работы получилась менее удачной, нежели предыдущая. Но затем, решительно заявив: «Вам необходимо подняться на более высокий научный уровень!» – она предложила мне поступать в аспирантуру. И не просто предложила. А добилась, не жалея усилий, дополнительного очного места, что в те годы было отнюдь не легко. Так, благодаря Раисе Романовне, я осталась в Москве и в Московском университете.

В написании дипломной работы Раиса Романовна помогла мне не только советом. Для отдельных частей дипломного сочинения (цитаты, библиография) требовался чешский шрифт. Раздобыть его мне, разумеется, было негде. Как правило, в подобных случаях выпускники попросту вписывали иноязычные отрывки в печатный текст от руки. Мне же Раиса Романовна одолжила на время собственную пишущую машинку с чешским шрифтом. И не просто машинку, а

давний подарок ей от Марии Майеровой – прогрессивной чешской писательницы, о творчестве которой Раиса Романовна написала некогда кандидатскую диссертацию. Помню фотографии, на которых Раиса Романовна была изображена вместе с Маейровой, а также рассказы о платье (или шубе?), которое в голодные и холодные послевоенные годы чешская писательница то ли помогла приобрести юной советской богемистке, то ли попросту подарила.

Все это, конечно, мелочи. Но мелочи, передающие дружественность и заботу, исходившую от Раисы Романовны, несмотря на всю ее кажущуюся аристократическую неприступность. Как-то все это естественно сочеталось в ней – научная строгость и человеческое сочувствие к нам, молодым, нашим неуклюжим научным опытам и даже к нашим слабостям: случающейся лени в учебе, неловким попыткам оправдаться за опоздание с курсовой, порой даже к нашему мелкому хулиганству. Она вовсе не прощала, умела как следует укорить, но ее ирония была – при всей убийственности – эстетически безупречной. «Хорошо выглядите – наверное, мало работаете!» – сочиненная ею на моих глазах фраза, которую я люблю повторять теперь уже моим собственным студентам.

В исследовательском же плане Раиса Романовна учителем была настоящим. Скидок не делала ни на возраст, ни на отсутствие опыта. Работы своих учеников читала в высшей степени внимательно – и не скупилась на комментарий, нередко бескорыстно передавая студентам собственные наблюдения и выводы. Умела одним словом опрокинуть беспочвенные псевдонаучные построения («всё – сложнее!» писала она на полях моих штудий), но зато если хвалила, делала это так, что не нужна была и Нобелевская премия. «Вы превзошли нас всех!» – написала она мне однажды. Всего лишь однажды – да и речь шла лишь о том, что я суммировала наблюдения нескольких поколений исследователей творчества Чапека и сделала на этой основе какие-то достаточно частные выводы. Но этой оценкой я гордилась как никакой другой.

Впрочем, чаще на мою долю выпадало если не критическое, то все же не слишком лестное сопоставление с предыдущими учениками Раисы Романовны, которыми она очень гордилась. Благодаря ее рассказам, я выросла в почтительном уважении к именам и работам Тамары Осадченко, Святослава Бэлзы, Натальи Шведовой, а Ирина Герчикова, моя прямая предшественница, завершавшая в те годы кандидатскую диссертацию о чешской фантастике, и вовсе то и дело ставилась мне в пример. Как я догадываюсь теперь, у Раисы Романовны это было сознательным педагогическим приемом. С Ириной позже мы, кстати, фактически заново познакомились и подружились после совместного пребывания в Чехии на конференции, посвященной юбилею Йозефа Шкворецкого.

В аспирантуре, конечно же, сразу же понадобилась формулировка темы будущей диссертации. Предполагалось, что я продолжу писать о Чапеке и вернусь к его сопоставлению с Уэллсом. Но термин «фантастика» в названии работы не был желателен по многим причинам. Во-первых, потому, что Ира Герчикова с аналогичной формулировкой как раз выходила на защиту в том самом диссертационном совете, где позже предстояло защищаться и мне. Во-вторых, потому, что многие фантастические приемы и элементы в текстах Чапека (отчасти и Уэллса) в строгом смысле слова «фантастикой» (тем более научной, а в то время иных типов фантастики советское литературоведение практически не знало), как стало ясно, не являлись. И я со стыдом призналась, что сформулировать тему не могу. Тогда Раиса Романовна попросила рассказать, какой мне видится структура

диссертации и ее основные выводы. Я говорила, наверное, не менее получаса, – боюсь, не слишком внятно. Когда я закончила, совершенно выдохшись, и решилась наконец поднять взгляд, Раиса Романовна закрыла глаза, подумала с минуту – и без запинки произнесла формулировку, которая потом, без малейших изменений, стала искомой темой: «Функции условности в художественной системе Карела Чапека. Традиция Герберта Уэллса».

Термин «условность» мне только еще предстояло осознать и сделать удобным для работы. Сейчас он не очень популярен в отечественной науке о литературе. Считается, что он принадлежит «марксистскому» литературоведению и был некогда создан главным образом для того, чтобы клеймить чуждый духу советского исследователя западный «модернизм». Термин действительно не вполне однозначен (даже с учетом разграничения «первичной» и «вторичной» условности), стоящая за ним теоретическая концепция не проработана до конца. Однако именно данное понятие и предложенная Раисой Романовной формулировка дала мне возможность не только высказать в диссертации все, что я хотела, но и в дальнейшем существенно расширить изучение «повествования о необычайном».

После защиты кандидатской диссертации в 1991 году я была оставлена, и вновь не без содействия Раисы Романовны, на филологическом факультете: сначала в мелкой административной должности, а затем – научным сотрудником кафедры славянской филологии. Судьбой своей я была вполне довольна и не очень задумывалась о будущем. А потому с недоумением выслушала весьма решительный вопрос научной руководительницы: размышляю ли я уже над темой докторской диссертации? Докторская работа представлялась мне чем-то абстрактным, высоконаучным и малореальным. Но Раиса Романовна не дала удивляться долго. Почти сразу она предложила мне заняться чешской межвоенной сатирой. Отчетливо помню, как пришла к Раисе Романовне в гости, и мы несколько часов провели у нее в кабинете (гостиной?) за разговором о структуре будущей диссертации. Раиса Романовна практически выстроила для меня композицию работы, придумав даже названия будущих глав; подсказала, какими авторами следует заняться, как подобрать материал – и тут же одолжила мне множество научных работ и художественных текстов, так что домой я вернулась с несколькими сумками книг. Частично я возвратила их позже, а часть, с разрешения Раисы Романовны, осталась у меня до сих пор.

Я продолжала работать на кафедре, помимо преподавания активно занималась организационно-методической работой под руководством своего нового начальника (и тоже на всю жизнь – Учителя) Владимира Павловича Гудкова, а вот диссертация никак не желала двигаться вперед. Не то чтобы мне не нравилась сатира: эта условная художественная форма чем-то сродни фантастике и нередко взаимодействует с ней. Однако предложенный Раисой Романовной традиционный для кафедры и, во многом, для всей отечественной славистики историко-литературный подход мне не был близок совершенно. Я любила «теорию» – обобщение, систематизацию, концептуализацию большого литературного материала. Поиски общих закономерностей построения фантастического текста вели меня к другим типам художественного вымысла, к жанру утопии, волшебной сказки, литературного мифа – и далеко за пределы славянских литератур. Отчетливо не хватало терминологии: так широко проблема «необычайного» (или «явного») вымысла – определение, позже предложенное мне В.Е. Хализевым) не

ставилась ни в отечественном, ни в зарубежном литературоведении. Я сидела в библиотеках, разыскивая критические работы о «литературе невозможного» и начитывая самые разнообразные произведения – просто из собственного интереса. И с тревогой думала, что буду отвечать Раисе Романовне о занятиях чешской сатирой.

Какое-то время невольную «измену» удавалось скрывать, но настал момент, когда признаться пришлось. Видно было, что для Раисы Романовны это стало неприятной неожиданностью. Однако она не упрекнула меня ни в чем, лишь со вздохом спросила, как будет звучать новая тема. И в дальнейшем позволила моим научным странствиям продолжаться самостоятельно, лишь временами печально признаваясь, что я ухожу все дальше от привычных и дорогих для нее исследовательских областей. Тем не менее общаться мы стали реже, хотя Раиса Романовна продолжала устраивать для меня возможности публикаций, договаривалась о консультациях с коллегами славистами, русистами и «зарубежниками» из ИСБ РАН, ИМЛИ, с других кафедр филологического факультета. Брала меня с собой в научные командировки, познакомила с Сергеем Васильевичем Никольским, Олегом Михайловичем Малевичем, Людмилой Норайровной Будаговой, Нонной Фоминичной Копыстьянской, Анатолием Романовичем Волковым. И очень много учила преподавательской работе, постепенно, один за другим, передавая мне собственные лекционные курсы.

Последние годы работы на кафедре дались Раисе Романовне нелегко. Совершенно изменилась ситуация в стране и в мире, распалась Чехословакия, перестали работать и писать практически все давние чешские знакомые и друзья из мира науки и литературы. Новые времена пришли и в отечественную науку. Стремительно менялись концепции, оценки различных литературных периодов, из ранее «запрещенных» культурных сфер приходили новые имена. Однажды Раиса Романовна попросила меня прочитать и отредактировать новую версию ее программы курса истории чешской литературы. В эту версию вошли многие не звучащие ранее в ее лекциях писатели и произведения. Однако в целом концепция осталась прежней, с цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина, с «контрреволюцией» 1960-х годов и т. д. Я со все еще юношеским максимализмом восстала против некоторых формулировок, предложила ввести в курс католическую литературу, чешских экспрессионистов и сюрреалистов. Мне следовало быть взрослее и умнее; не устаю корить себя за это. Раиса Романовна отнеслась к моим замечаниям крайне болезненно и на некоторое время вообще перестала говорить со мной о чем-либо, кроме повседневной работы. Позже мы все-таки поговорили откровенно, я извинилась (за форму моих протестов, не за их суть – все эти и многие другие еще более «запретные» темы давно вошли и в учебники, и в программы курсов), и общение возобновилось, – хотя и не в прежнем дружеском ключе. Так что докторскую диссертацию в 2000 году я защищала уже самостоятельно (это было вскоре после юбилея Раисы Романовны, который тепло отмечали на кафедре).

Раиса Романовна продолжала активно работать, занималась проблемами «оппозиционной» чешской литературы, писала пособие по истории критики, много (и вполне благожелательно, хотя, наверное, не без внутреннего усилия) размышляла о чешском постмодернизме. Но вдруг стала быстрее уставать, повысилось артериальное давление, напомнило о себе сердце. Я привела к ней в гости своего приятеля, хорошего врача. По-моему, тогда я была у Раисы Романовны дома в последний раз. Мне не разрешили присутствовать при «медицинском»



разговоре, но я слышала его начало, и мне запомнилось грустное удивление, с которым Раиса Романовна говорила о своем пошатнувшемся здоровье. Ведь еще совсем недавно она чувствовала себя хорошо, даже ходила на лыжах! Ей очень хотелось верить, что недомогания – временные, но мой друг меня обнадеживать не стал. И все же уход Раисы Романовны оказался для меня неожиданным. И трагичным – в последний день уже почти ушедшего 2001 года.

В российской славистике не очень часто встречается понятие «научная школа». Да и суть его трудно передать однозначно. Если говорить об исследованиях чешского романа 1920–1930-х и 1970–1980-х годов, жанровой полифонии или «левых» традиций в чешской прозе и критике XIX–XX веков, то здесь Раисе Романовне так и не удалось вырастить преемственных поколений продолжателей ее собственных идей. В основном потому, что слишком уж изменились за последние четверть века и взгляды на литературный процесс, и трактовка жанровой парадигмы, и, наконец, сам перечень имен, входящих в «канон» чешской литературы.

Однако если понимать научную школу как действительную школу знаний, исследовательской логики, добросовестности, честности и профессионализма – такая школа Раисой Романовной Кузнецовой создана была и, смею надеяться, существует до сих пор. И будет существовать – потом уже в наших учениках.

*Сведения об авторе:*

Елена Николаевна Ковтун,  
доктор филол. наук  
профессор, филологический факультет  
директор, Институт русского языка  
и культуры  
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena N. Kovtun,  
Doctor of Philology  
Professor, Philological Faculty  
Director, Institute of Russian Language and  
Culture  
Lomonosov Moscow State University  
kovelen@mail.ru